

САРМАТ

РОМАНЫ О ЛЕГЕНДАРНОМ МАЙОРЕ СПЕЦНАЗА

Стабильное неравновесие

Александр ЗВЯГИНЦЕВ

Сармат

Александр Звягинцев

Стабильное неравновесие

«ЭКСМО»

1997

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Звягинцев А. Г.

Стабильное неравновесие / А. Г. Звягинцев — «ЭКСМО»,
1997 — (Сармат)

ISBN 978-5-699-90119-7

Жизнь суперпрофи полна неожиданностей. Им приходится участвовать в секретных операциях в Анголе и Ливане, Никарагуа и Гондурасе – по всему миру. И настоящее горе солдатам тайных войн, если в их дела вмешиваются политики. Это равносильно предательству. Но майор Сарматов – крепкий боец. Он уже привык к подобным ударам судьбы, не падает, не сгибается, держит удар. К тому же он дал себе слово обязательно вернуться, чтобы хоть раз посмотреть в глаза тем, кто его предал...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90119-7

© Звягинцев А. Г., 1997
© ЭКСМО, 1997

Александр Звягинцев

Стабильное неравновесие

Москва. Аэродром «Жуковский», 10 июня 1988 года

Военно-транспортный самолет пробил плотную облачность и тяжело опустился на бетонку. Как только он замер на стоянке, к нему подъехали черная «Волга» и две машины «Скорой помощи». Люди в белых халатах вынесли из транспортного люка самолета двое носилок. На одних лежал целиком запеленутый в бинты лейтенант Шальнов. На других – с перебинтованными руками и ногами, с лицом, покрытым коростой, капитан Савелов.

Грузный генерал-лейтенант вышел из черной «Волги» и подошел к Савелову. Увидев его, капитан пристально посмотрел на генерала и прошептал:

– Донесение майора Сарматова здесь, у меня под подушкой!

Вскрыв конверт, генерал, отойдя в сторону, тут же стал его читать. В это время к Савелову подошла Рита, ведя за руку мальчугана лет трех-четырех. Увидев лицо мужа, она побледнела, но сделала над собой усилие, взяла себя в руки и, подойдя вплотную к носилкам, склонилась над ним.

Савелов высвободил из-под простыни перебинтованную руку и погладил жену по щеке.

– Ничего, родная, все будет хорошо, вот увидишь, – произнес он.

– Врачи сказали, что ты обязательно поправишься, – сказала Рита, и глаза ее наполнились слезами.

– Конечно, поправлюсь, какой разговор.

– Вадим, я хотела спросить. Ты ведь был там... с Игорем... Он... он погиб, да?

– Не знаю! – с трудом сдерживая подступивший к горлу комок, ответил Савелов.

– Папа, ты был на войне? – Мальчонке наконец удалось вмешаться в странный разговор взрослых.

Савелов провел забинтованной рукой по его русым кудряшкам и ответил:

– Я был в командировке, Тошка, и там немного приболел, так уж получилось!..

– А я, когда вырасту, пойду на настоящую войну, вот! – важно заявил мальчик.

Не замечая текущих по обугленным щекам слез, Савелов посмотрел в распахнутые глаза Риты и с трудом выдавил:

– Я не знаю, что стало с моим командиром... Он, можно сказать, подарил жизнь мне и тому лейтенанту... Перед уходом я сказал ему все... о нас... Понимаешь – все!..

– Господи, Вадим, что у вас там произошло?

– Нас вычеркнули из живых!.. Предали, исходя из сложившейся «политической ситуации»!

– Вадим, я ничего не понимаю!..

– Зато он все понимает! – глазами показал Савелов на закончившего чтение генерала.

Серые глаза генерала приобрели стальной оттенок, но он сдержался, лишь бросил с угрозой, направляясь к машине:

– Потом поговорим, капитан!..

Через мгновение автомобиль сорвался с места и, злобно взвизгнув шинами, помчался к КПП.

Когда «Волга» подъехала к воротам, к раскрытому окошку генеральской машины подошел высокий человек в сером костюме и тихо спросил:

– Сергей Иванович Толмачев?..

– Я Толмачев, в чем дело?

– Можно вас на минуточку?..

Генерал вышел из машины, и человек в сером костюме, стрельнув глазами по сторонам, произнес:

– Товарищ генерал-лейтенант, Павел Иванович Толмачев приглашает вас в Завидово...

– Разве охотничий сезон не закончился? – удивленно вскинул седые брови генерал.

– Закончился, но у Павла Ивановича он по настроению...

– Когда ехать?..

– Послезавтра, к утренней зорьке. Я встречу вас в четыре по нулям у КПП. Желательно, чтобы вы приехали не на служебной машине.

– Передайте, что я буду!

Восточный Афганистан, 12 июня 1988 года

Нарастающий шум вертолета, неожиданно ворвавшегося в первозданный мир афганской природы из-за опаленных знойным солнцем остроглавых вершин, вырвал Сарматова из цепких детских воспоминаний. Белогривый аргмак, который в неистовом намете только что так зримо пластался перед ним над зубчатой цепью скалистых гор, вдруг превратился в легкокрылого Пегаса и растворился в предзакатном мареве уходящего дня.

Долгожданная винтокрылая машина, оцетинившаяся пушками и ракетными установками, после крутого маневра зависла возле реки почти над самой землей. Ее лопасти подняли тучи водяных брызг, и сквозь них можно было уже разглядеть улыбающиеся славянские лица вертолетчиков в шлемофонах, высматривающих площадку для посадки. Но под брюхом вертолета виднелись одни лишь округлые камни и вода. Пилотам ничего не оставалось другого, как снова взмыть над «зеленкой», чтобы осмотреться сверху.

В первые секунды никто толком не успевает ничего понять – неизвестно откуда сверкнувшая в безоблачном небе яркая молния, изменив траекторию, впивается в фюзеляж раскачивающегося над «зеленкой» вертолета. От удара этой молнии вертолет вначале взмывает еще выше, но потом вдруг нелепо заваливается набок, и тугим громовым раскатом грохочет взрыв. Вращающиеся с бешеной скоростью лопасти улетают в «зеленку», а горящие обломки вертолета обрушиваются на камни, падая совсем близко от ошеломленных людей. Прямо над их головами вздымается зловещий гриб из огня и черного дыма.

– Вот тебе, бабуля, и Юрьев день! – вырвалось у Бурлака. – «Духи» «стингером» саданули, суки!

– Да-а, – протянул Сарматов, бросая взгляд исподлобья на американского полковника. – Подарочек от профессионалов из твоего ведомства, сэр Джордж Метлоу или как тебя там!..

В ответ тот лишь развел руками.

– Командир, скорее в «зеленку»! – крикнул Алан. – «Сухари» с высоты подумают, что мы и есть те самые «духи». Сейчас они за вертушку нас по камням размазывать будут!

Едва группа успела добежать до ближайшего берега, как со стороны солнца, отстреливая по бокам горящие ракеты тепловой защиты, над поймой пронеслись истребители. Оценив ситуацию с вертолетом, пилоты сразу же заложили крутой вираж и на предельно низкой высоте пошли в атаку.

– Мордой вниз, славяне! – заорал Сарматов, опрокидывая в мокрую траву американца.

Бурлак с Аланом навалились на них обоих сверху.

Когда по пойме реки и по ее берегам вслед за «сухарями» пронесся чудовищной силы огненный смерч, оглушенные люди, еще не веря в свое спасение, осторожно подняли головы и осмотрели местность – вокруг лишь дымились сизым дымом оплавленные камни и полыхали свечками вывороченные взрывами деревья.

– Ну, я уже поговорю с этими сталинскими соколами! – сплюнул Бурлак. – Здоровы трепаться на каждом углу, что им сверху видно, ху есть ху...

– Еще один крест на нашу душу повесили, командир, – печально кивнул Алан на распластанные на камнях, обугленные трупы двух пилотов.

– Нет доказательств, что они за нами прилетали, – задумчиво сказал тот. – Могли за фронтовой разведкой, могли еще по каким делам... Ясно одно, что они доложили на базу, что видят нас, а пилоты «сухарей» наверняка доложат, что мы оказались «духами»-оборотнями, а потому отправлены ими к Аллаху... Понять их можно, нас бы кто понял?..

– Даже если они прилетали за нами, то в этом районе искать нас больше не будут. Я правильно тебя понял, командир? – уточнил Бурлак.

– Правильно, – хмуро кивнул тот.

– Это конец, Сармат, – сказал американец. – Мы больше не можем надеяться на помощь наших правительств.

– Не знаю, как американцы, но русские всегда надеются лишь на самих себя, – отрезал Сарматов и повернулся к Бурлаку и Алану: – «Духи» саданули «стингером» вон с того утеса, что впереди по курсу, над рекой. Сейчас они со всех ног бегут сюда за поживой, так что нам надо ноги в руки и глубже зарываться в «зеленку», мужики.

– Опомнитесь, парни! – подал голос американец и демонстративно уселся на камень. – Вы же знаете русскую поговорку: выше своей головы не прыгнешь... Реальность такова, что моджахедов вам надо ждать здесь, чтобы сдать на их милость.

– Ха-ха! – отозвался Бурлак. – По небу ворона летела, а у Яшки Рыжего корова тройню принесла...

– Какую тройню? – удивленно спросил американец.

– Рыжую, – уточнил Алан.

– А-а, русская шутка! – не сразу догадался американец и повернулся к Сарматову: – Несмотря ни на что, со своей стороны я даю вам слово офицера, что сделаю все возможное для сохранения вашей жизни. В конце концов, вы выполняли приказ, и только. Поверьте, слово полковника ЦРУ Соединенных Штатов для вождя моджахедов Хекматиара очень много значит...

– Отказалось от тебя твое ЦРУ, полковник, не понял еще? – сорвавшись на крик, бросил ему в лицо Сарматов. – И наша Контора на нас и тебя положила большой член. Встать! Шагом марш! – со злостью дернул он цепь наручников.

– А если не встану, то?..

– Пристрелю, – процедил Сарматов, прислушиваясь к конскому ржанию и топоту копыт, долетевшему со стороны зубчатой скалы.

Понимая, что он не задумываясь выполнит свою угрозу, американец пожал плечами и потащился вслед за ним в чащобу близкой «зеленки».

– Не робей, янки! – обгоняя американца, усмехнулся Алан. – Осетины и русские говорят: живы будем – не помрем.

– Крейзи вы все! – прохрипел тот. – Не русские офицеры вы, а взбесившиеся мазохисты, мать вашу!..

– О-о, вот это музыка! – заметил Бурлак. – А еще что-нибудь эдакое, с вывертом, слабо, а?.. Давай-давай, не стесняйся, отведи по русскому обычаю душу, авось полегчает...

Американец сердито отвернулся. Чащоба встретила их настороженной тишиной: ни пения птиц, ни надоедливого скрипа цикад, ни трубного оленьего рева. Перепуганное бомбежкой зверье попряталось в норы, разбежалось и разлетелось кто куда, подальше от людей. Скоро оранжевое закатное солнце опустится за размытые голубым маревом скалы, и на «зеленку» сразу навалится густой липкий мрак. Лишь горящие по изломанным берегам реки деревья да тлеющие на камнях остатки вертолета напоминали о недавно разыгравшейся здесь трагедии.

Подмосковье. Завидово, 12 июня 1988 года

Над болотным утренним туманом гремели ружейные залпы. Стайки уток металась от берега к берегу в тщетной надежде укрыться от грохота выстрелов и вездесущей дробин, но увы... Теряя перья, они одна за одной шлепались в воду, а оставшиеся шарахались в сторону пойменного луга, чтобы и там напороться на смертоносный огонь.

Человек в сером костюме довел генерала Толмачева почти до болотины. Кивнув на кусты, он отступил на шаг и будто растворился в клубах тумана. Генерал раздвинул кусты и отшатнулся – огромный, чепрачного окраса блауханд, злобно раздувая висащие полотенцами брылья, напружинил задние ноги для прыжка...

Его хозяин, напряженно всматривавшийся в стайку резиновых подсадных уток у торчащей из воды осоки, бросил на генерала косой взгляд и негромко, но властно скомандовал:

– Абрек, стоять! Брата Сергея не узнал, что ли?!

Пес сразу потерял к генералу интерес и лег к ногам хозяина. Зато из недалекого шалашика пулей выскочил темно-шоколадный сеттер и, не церемонясь, кинулся лизать гостя прямо в нос. Отскочив в сторону, он посмотрел на него озорными глазами, не забывая мести роскошным хвостом по земле, стал повизгивать от своего собачьего счастья.

Его хозяин тем временем поднял коллекционную двустволку и навскидку выстрелил в выпорхнувшую из осоки утиную стаю. Два солидных селезня, растерзанные картечью, плюхнулись в осоку, а сеттер и блауханд с радостным лаем бросились за ними в воду.

Лишь приняв из пасти возвратившихся собак окровавленную добычу, хозяин наконец повернулся к гостю. Это был крупный, далеко не молодой уже мужчина с мощной шеей и властным угрюмым лицом. Прищурился серые, стального оттенка глаза, спрятанные за стеклами массивных очков, он некоторое время пытливо всматривался в лицо генерала, потом протянул широкую, как лопата, ладонь.

– Рад видеть тебя, брат! – сказал он и кивнул на собак: – Моя семья вся тут. Твои-то как?..

– Слава богу, живы-здоровы!.. Вот мать наша совсем глухая стала – навестил бы!..

– Заеду!.. Это сколько же ей теперь?..

– Восемьдесят семь, брат!..

Павел Иванович разлил по фужерам коньяк.

– За встречу, ваше превосходительство! – с иронией произнес он.

– Превосительство! – откликнулся генерал. – А мне вчера, брат, наотмашь по сусалам врезали!

– Хм-м!.. От кого сподобился?

– От капитана! Он с одним лейтенантом из Афганистана через памирские ледники полуживым вышел. Донесение при нем такое было, что кровь в жилах стынет! – ответил генерал и протянул смятые листы бумаги.

Прочитав их, Павел Иванович чему-то усмехнулся и спросил:

– Майор Сарматов – знакомое имя. Не могу припомнить, откуда оно у меня на слуху...

– Мы его к Звезде Героя представляли, но, как говорит мой адъютант, мимо денег.

– Нас надо понять – его дела не для засветки. Сарматов... Сарматов... А, припоминаю...

Это он, кажись, в соседнем с Никарагуа государстве фейерверк устроил?..

– Возможно... Но это далеко не весь его послужной список.

– Вот видишь!.. Тем более никакой огласки быть не должно...

– Павел, мне-то ты хоть можешь сказать, по какой надобности мою лучшую группу под откос пустили? – прервал брата генерал.

– Обстоятельства так сложились, – ответил тот, наблюдая за крикливым утиным семейством, хлопочущим в камышах.

– Как так? – продолжал упорствовать генерал.

– Очень просто... – задумчиво произнес Толмачев-старший. – Политбюро приняло-таки решение об уходе из Афганистана... Встал резонный вопрос: как уходить?.. Можно нанести массированный удар авиацией с аэродромов Союза и, пока афганцы будут очухиваться, уйти. Или, учитывая, что Восток – дело тонкое, уговорить их полевых командиров не стрелять нам в спину – за щедрый бакшиш, разумеется. Если принять первый вариант, то мы получим одни головешки от их городов и кишлаков и визг мировой общественности. Второй вариант тише, надежней и, сам понимаешь, намного дешевле. Но как узнать, кто из их полевых командиров чем дышит?..

– Так вот зачем понадобился американский полковник! – покачал головой генерал. – А я-то голову сломал!..

– Понял наконец? На нем агентура в отрядах «духов»...

– А чтобы ЦРУ не возникало, его надо было захомутать на афганской территории, так?..

– Прорабатывалось несколько сценариев, – пожал плечами Павел Иванович. – Но предпочтение после долгих сомнений все-таки отдали этому... ЦРУ планировало создать проамериканское правительство из самых непримиримых полевых командиров, но, судя по твоему донесению, вопрос с повестки дня теперь снят... Это косвенно подтверждается уступчивостью афганской делегации в Женеве. Матерый цэрэушник из колоды выпал, тоже плюс. Но в целом ты прав – мимо денег!

– Понятно... Меня сейчас другое интересует: куда запропастился наш любовник войны – этот героический майор вместе с американцем? Ни слуху ни духу от него. Одна надежда, что Сарматов – калач тертый... Если только не погиб он, то обязательно выберется, – вздохнул Сергей Иванович и, тряся донесением, вдруг меняя тон, жестко спросил: – Брат, ответь мне на вопрос: почему вертолет на точке рандеву истребителями не прикрыли?

– Все было согласовано с Генштабом, с командованием контингента, – начал объяснять Павел Иванович. – И вдруг накануне звонок из Кремля: «Вы что, мудаки, в Женеве переговоры, а вы на пакистанской границе костер разжигаете!» Вот и весь разговор!..

– А спрос с тебя, брат, ты крайний! – жестко, с нажимом сказал Сергей Иванович. – Задание провалено, группа, считай, погибла, едва не спровоцирован конфликт с Пакистаном, шум на весь мир, перед Наджибуллой пришлось шапку ломать... Да и у американцев лишний аргумент не в нашу пользу.

– Если бы не этот звонок! – воскликнул Павел Иванович, и в голосе его послышалось сожаление.

– Звонки из Кремля к делу не пришиваются, – угрюмо заметил Сергей Иванович, глядя словно сквозь брата.

Тот криво усмехнулся и промолчал.

– Скорее всего, через тебя ко мне подбираются, – вдруг выдал Павел Иванович. – Ведь я Хозяину идею этого задания подкинул...

– О Толмачевых они зубы сломают, сволочи! – выдохнул брат-генерал. – Надеюсь, что ты без драки уйдешь?

– Уйду! – кивнул Павел Иванович. – Уйду по-английски, не прощаясь, но немного позже... Скоро все уйдем...

– Ты?.. В своем уме?.. Кто с небес на грешную землю по своей охоте падал?

– Ваше превосходительство еще не понял, что к чему? – пытливо поглядел в лицо брата Павел Иванович.

– Ты о съездовской говорильне, что ли?

– Там за ширмой подготовки нового Союзного договора фактически произошел сговор. Тот договор, на котором настаивают националы, – это конец Союзу, социализму. А у Хозяина нет политической воли укоротить их самостийные аппетиты.

- Ты так спокойно говоришь об этом!
- Спокойно – не спокойно, уже не имеет значения.
- Господи, как же это может быть, брат?! – осевшим голосом выдавил Сергей Иванович.
- Как? – усмехнулся Павел Иванович. – Изволь! Сначала Хозяин и компания подпишут с Америкой где-нибудь на Мальте договор о нашей полной капитуляции...
- Скажешь тоже, капитуляции! – возмущенно фыркнул генерал.
- Неважно, как эта бумажка называться будет... А потом все посыплется... И начнется, брат, то, ради чего огород городили, – третий в истории России передел собственности.
- Подожди... Первый передел в семнадцатом...
- Первый, я считаю, был при Иване Грозном! – перебил брата Павел Иванович. – Грозный-царь отнял у бояр наследные вотчины и поделил их между служилым людом и опричниками. Третий, брат, третий!.. А теперь «опричники» сами заберут собственность общегосударственную в полное частное владение.
- Какие еще «опричники»? – удивленно хмыкнул генерал.
- Современные, брат, «опричники» – секретари райкомов, горкомов, обкомов, директора заводов и фабрик, извечно воровское племя – торгаши. Много чего перепадет криминалу, но самые жирные куски: нефть, газ, металл, сырьевые ресурсы – тем, кто рангом повыше, и иностранному капиталу, а также тем, кто попроворнее.
- Бред какой-то! – гневно воскликнул Сергей Иванович.
- Уверю тебя, что даже телевидение, так успешно манипулирующее сейчас поведением людей, будет прибрано к рукам крупным капиталом, так как без него после отмены цензуры власть не удержат.
- Глупости, идиотизм!.. Еще раз говорю: бред все это, Павел! – продолжал возмущаться генерал.
- Если бы! – выдохнул Павел Иванович. – В окружении Хозяина только и разговоров о рыночной экономике, все остальные пути, мол, испробованы... Рынок – это буржуазное государство, а ты видел буржуазное государство без буржуазии?
- Народ не допустит! – пробурчал генерал.
- Говоришь – народ не допустит? Народ – это пороховая бочка, с помощью которой рвущиеся к власти всегда взрывали бастионы, – осушив фужер с коньяком, Толмачев-старший посмотрел на лежавших у его ног собак, похлопал по холке блаухаунда и спокойно продолжил: – В феврале на Маяковке митинг был в защиту там чего-то... Переделся я попроще – думаю, послушаю, о чем там народ говорит, чего хочет...
- Ну и как, узнал?
- Павел Иванович кивнул:
- Скажем так, я не узнал ничего такого, что могло меня хоть сколько-нибудь утешить. Народ, понимаешь ли, не знает, чего он хочет, но зато он твердо знает, чего не хочет.
- И чего же?..
- Нас. Мы, «опричники», отвратили народ от социализма, и он никогда не простит нашего глобального вранья... На митинге разожгли костер. Люди бросали в огонь партийные билеты. Рабочие, интеллигенты, офицеры... Да-да, при форме и погонах!.. Не забуду их лиц, такие бывают, когда хоронят близких, любимых, потому что те умерли и не хоронить их нельзя...
- Ну и картина – хоть в петлю! – вздохнул генерал.
- А ведь дальше будет еще хуже, – продолжил Павел Иванович. – В действие скоро вступит закон песочных часов: бывшие командиры производств и приспособленцы, оборотни и бандиты, люди с хваткой станут настолько богаче, насколько все остальные бедней. Что смотришь на меня как на врага, брат? За великий грех семнадцатого года расплата приходит. Расплата! За все в этом мире надо платить! С развалом страны развалится единое хозяйственное

пространство: встанут заводы и фабрики, развалится финансовая система, начнется деградация науки, образования, медицины, культуры и самой духовной сущности человека, потому что тем, кто дорвется до корыта, будет не до них... Место духовной национальной культуры займет космополитичная буржуазная кичкультура, которая будет одевать новое поколение. В центре и на окраинах, где давно правят партийные баи и теневики, начнутся кровавые схватки за деньги и власть, махровым цветом распустится уголовщина, а на улицы городов выплеснутся миллионные толпы ограбленных, униженных и оскорбленных.

Я уж не говорю о том, что в Россию хлынут из бывших союзных республик миллионы русских и нерусских, спасаясь от национализма «братьев навек». Великая смута грядет, брат!.. Великая!

– Конечно, с твоей высоты виднее, брат, но не вешай мне лапшу на уши! – гневно прервал его генерал. – У России, слава богу, есть еще армия. Есть КГБ. И мы еще своего слова не сказали!

Павел Иванович положил руку на плечо брата и тихо произнес:

– После капитуляции первый удар куда наносят? Правильно, по органам безопасности побежденной страны, вспомни судьбу гестапо.

– Ну и сравнения у тебя!..

– Я смотрю правде в глаза. КГБ – боевой отряд партии, бельмо на глазу «опричников». Они раздавят вас только за это!

– А ну как мы ударим первыми? – взъярился генерал.

– Глупость! – воскликнул Павел Иванович. – Власть возьмете... Предположим, пушками и танками на время остановите распад, но чем накормить голодных, где средства на модернизацию промышленности, куда деть теневую экономику, а ведь ее доля в общем котле тридцать процентов?.. Да тут никакая пропаганда не поможет. Не-ет, брат, против истории не попрешь!

– Смириться?..

Павел Иванович прижал к себе голову блаухаунда, потрепал его по загривку и чему-то невесело усмехнулся.

– Зачем же так. Пусть «опричники» в одночасье станут богаты, как арабские шейхи, а все остальные бедны, как церковные крысы! – через некоторое время продолжил он. – Бедные скоро поймут, что их опять обвели вокруг пальца и ограбили. По русскому обычаю, они вцепятся в глотки богатых, а затем неизбежно в глотки друг друга, и полыхнет, полыхнет «красный петух» по всей Руси-матушке!

– Ты хочешь сказать, что начнется гражданская война? Ты думаешь, что дойдет до этого? До кровопролития?! – негодуяще прорычал генерал. – Но это же ужасно! Это преступно!

– Пусть! – усмехнулся Павел Иванович и оттолкнул от себя блаухаунда. – Кровь смывает всю скверну семидесятилетнего коммунистического режима, и перед лицом более смердящей скверны люди оправдают его, как оправдали деяния Петра Великого... И тогда придем МЫ!..

– Кто это «мы»?.. – заметил Сергей Иванович.

Но старший брат, будто бы не слыша вопроса, продолжал:

– Вместо идей равенства в нищете мы принесем идею национального возрождения через традиционную русскую соборность. При этом будут существовать все формы собственности и культивироваться национальный уклад жизни. Цель – вывести страну на ее исторический путь развития, прерванный в семнадцатом году. Как реки после половодья возвращаются в берега, так и народы, умывшись кровью, спалив в огне бунтов и войн скверну, возвращаются в свое естество... Услышав нас и увидев нашу правду, в досталь навоевавшиеся народные массы вернутся к станкам, полезут в шахты, возьмутся за плуг.

– Если бы я не знал тебя как человека, обладающего острым аналитическим и совершенно ясным умом, то решил бы, что ты сошел с ума! – воскликнул генерал. – Гражданская война в ядерной стране! Это ж надо такое придумать!

– Да-да, твое мнение разделяют многие, – покивал Павел Иванович. – На это и расчет! Запад и Америка, увидев непомерный аппетит «опричников» и поняв, что им народ не удержать, убоявшись «красного петуха» в нашей ядерной державе, хотя бы того или нет, во имя собственной безопасности будут негласно способствовать нашему приходу. Им нужна будет твердая рука под вывеской демократии. По большому счету, они уже смотрят на Хозяина и на того, кто наступает ему на пятки, как на фигуры отыгранные... А для нас главное – ничему не удивляться, не мешать, не торопить события и готовиться...

– Что... что значит готовиться?! – уныло вздохнул генерал и опрокинул в рот сразу полфужера коньяка.

– Ну, например, вывести из-под удара и сохранить твоих и других преданных людей, – объяснил Павел Иванович, прикладываясь по примеру брата к фужеру с коньяком.

Генерал вопросительно посмотрел на него.

– Задача решаема! – усмехнулся Павел Иванович. – У нас за рубежом по всем континентам на сотни миллиардов долларов собственности: недвижимость, прямые и подставные фирмы, фирмы «друзей», депозиты в банках еще с царских времен, акции предприятий и компаний, газеты, корабли, плантации кофе. Никто толком в государстве не занимался полной инвентаризацией этой собственности и не знает даже, где она находится... Есть всего один реестр, и тот неполный. А что самое главное – этот реестр в моих руках. Я полагаю, что твои люди по нашей наводке могли бы взять, что им прикажут, под контроль. Наши люди позаботятся о юридической стороне вопроса... Что скажешь на это, брат?

– Увести собственность из-под носа «опричников»! – оживился генерал. – Над этим стоит подумать...

– Вот и подумай! – пряча усмешку, кивнул Павел Иванович. – Вместо пули в подворотне верные нам люди получают дело.

– Во всяком случае, они сохраняют верность, – задумчиво, словно уговаривая самого себя, заметил генерал и, насторожившись, достал из-под мышки «стечкина».

Из болотной тины донесся собачий лай, плеск воды и фыркание. Вздыбилась на мощном загривке шерсть блаухаунда, и, приняв позу, он перекрыл все звуки жутким рыком.

– Стоять, Абрек! – властно скомандовал Павел Иванович и, взяв на изготовку ружье, подошел к краю болотины.

Лай и фыркание раздавались уже где-то совсем рядом, и скоро из-за поросшего осокой островка показался плывущий чуть впереди преследующей его стаи собак красавец лось. Выскочив на берег и не обращая внимания на злобно щелкающих зубами собак, он принялся шумно отряхиваться.

Павел Иванович поднял ружье и прицелился, но в это мгновение, как по чьей-то команде, собачья стая вцепилась в лося.

Лесной гигант будто бы ждал этого – две-три собаки с визгом взлетели кувырком в воздух, напоротые на его развесистые рога, несколько отлетели в стороны, отброшенные мощными копытами. Получив отпор, собачья стая, скуля, отбежала на безопасное расстояние, а лось неспешной трусцой направился в чащу. Павел Иванович опустил ружье и, взглянув на подошедшего со «стечкиным» в руках брата, заметил:

– Смотрю, с моим подарком не расстаешься!..

– С ним я хозяин, по крайней мере, над своей жизнью, – ответил тот.

– У тебя есть надежные люди из нелегалов? – бросив взгляд в сторону Лесса, спросил Павел Иванович.

– Ну-у!.. Допустим...

– Для начала нужно купить, предположим, в Австрии или Германии замок, на худой конец – виллу и оборудовать их современными средствами связи. Купить можно, ну, скажем, на отпрыска какого-нибудь фон дер Фрица, вернувшегося в фатерланд из Южной Африки...

Оглядевшись, Павел Иванович протянул брату пластиковую карточку.

– Банк в Цюрихе. Подробности потом. Нас тоже не пальцем делали, брат! – добавил он в ответ на его удивленный взгляд.

– Ты все просчитал, Павел? – с тревогой спросил генерал.

– Все! – кивнул тот, глядя немигающими стальными глазами. – Помни только, что в моих расчетах ставка на тебя и твоих людей весьма крупная...

– Ты мне так и не ответил: кто это «мы»? – напомнил генерал.

– Мы, те, для которых Россия – не гостиница для временного проживания, а родной дом на все времена! – ответил старший и добавил: – Решай сам, брат!..

– А если раскрутится история с группой Сарматова со всеми вытекающими из этого последствиями?..

– Я пока у Хозяина в силе! – как-то горько скривил рот Павел Иванович. – Но подстраховаться все-таки надо... Шумит, говоришь, отмороженный капитан, как его?..

– Савелов! – подсказал генерал. – Он, понимаешь, зять Николая Степановича...

– Из Минатома? – удивленно поднял брови старший. – Интересно!.. Николай Степанович – человек нам не чужой... Ты вот что, потолкуй у себя там с народом, и не тяните. Короче, доставь мне представление на этого капитана к Звезде Героя, что ли. В конце концов, твой Сарматов пишет, что правительство непримиримых ликвидировано... Так что доклад его можно трактовать и как успех операции.

– Круто! – выдохнул генерал. – Савелову заткнем рот Звездой, а если Сарматов притащит американца, расскажем ему сказку про звонок из Кремля?

– Если он упрется, то рассказывать сказки ему следовательно будет, – нахмурил брови Павел Иванович. – Ведь ему можно сказать, что задание провалено, группа практически погибла, а одного офицера он сам зарезал, о чем и пишет в донесении. Работал он, дескать, грубо, едва не спровоцировал военный конфликт с Пакистаном и не сорвал Женевские переговоры... Сам видишь, брат, какой букет! Но... – Павел Иванович сделал паузу, поднял указательный палец вверх и продолжил: – Лучше бы, конечно, чтобы он не дошел до следователя!.. В крайнем случае, думаю, что договориться мы с ним сможем. Дадим и ему Звезду Героя, он, по-моему, давно ее ждет, – глядя в глаза брату, тихо произнес наконец Павел Иванович.

– Ждать-то он ее не ждет, а вот заслужил давно... – ответил генерал, и в голосе прозвучали горделивые нотки.

Восточный Афганистан, 25 июня 1988 года

Поблек над кронами деревьев серп месяца, и на влажную от росы траву легли рассветные сумерки. Остроконечные заснеженные вершины гор зарделись ярким розовым пламенем. А группа все шла и шла.

Впереди «зеленка» заметно поредела и перешла в предгорье, покрытое чахлыми кустами. Сарматов беспокойно оглянулся и стал к чему-то принахиваться.

– Что, командир? – тревожно спросил Алан.

– Запах какой-то чудной! – ответил тот и показал рукой направление, откуда, как ему казалось, доносился этот самый запах.

– Ничего не чую! – пожал плечами Бурлак. – Показалось, видать, тебе, командир...

– Возможно!.. Но на всякий случай погуляйте по местности и разведайте, что к чему! – приказал Сарматов.

Бурлак с Аланом мгновенно скрылись за деревьями, а Сарматов тем временем, отстегнув от запястья американца браслет, сказал:

– Покемарь пока, полковник, а я тебя от змеюк посторожу!

Янки мгновенно повалился в траву и моментально заснул.

Бесшумно передвигаясь от куста к кусту, Бурлак с Аланом вышли к краю «зеленки». Перед ними распластался сбегающий склон, который в утренних сумерках издали был похож на огромное алое полотнище.

– Ну и нос у командира! – восхищенно произнес Бурлак. – За километр «дурь» чует!..

– Слушай, это плантации Абдулло! – утвердительно сказал Алан. – Здесь можно нарваться на «духов»! Так и есть! – воскликнул он, поднося к глазам бинокль.

В окулярах просматривались сплошное полотнище цветущего мака и укрытый под деревом навес. Рядом с ним были привязаны два ослика, и неподалеку, сидя на земле, спал вооруженный автоматом человек в круглой афганской шапочке-пакуле.

– Посмотрим, что этот хмырь стережет? – предложил Бурлак, взглянув в бинокль. – Может, лепешкой разживемся... Меня от мяса уже с души воротит.

– Постой! Сперва у командира надо добро получить! – осадил его Алан.

Выслушав Алана и Бурлака, Сарматов растолкал спящего американца.

– Топаем дальше, полковник! – сказал он, защелкивая на его запястье браслет наручников.

Вскоре перед глазами идущих открылся прекрасный вид на плантацию цветущего опийного мака.

– Бурлак, побудь с американцем, а мы с потомком хазаров погуляем пока! – приказал Сарматов и, сняв со своей руки браслет наручников, защелкнул его на руке Бурлака. – Будет дергаться – залепи ему рот и вырубь, но слегка, не переусердствуй смотри!

– Может, не стоит, командир, туда соваться? Еще, не ровен час, обнаружим себя! – заметил Алан.

– Стоит! – ответил Сарматов. – Взять бы нам живым «духа» и узнать у него, где наших искать, а то идем неведомо куда!..

Выглянув из кустов, Сарматов сделал Алану знак, и тот, зажав в зубах нож, ящерицей пополз к дремлющему у навеса «духу». При его приближении тощие облезлые ослики шарахнулись в сторону, «дух» прикрикнул на них и снова погрузился в сон. Оказавшись за его спиной, Алан зажал ему рот и, сильно ударив ребром ладони по затылку, свалил на землю.

Заглянув за плетеное ограждение навеса, Алан помахал притаившемуся в кустах Сарматову.

– Командир, здесь славяне! – прошептал Алан, когда командир подошел. – Наши пленные, слушай!

Под навесом спали, скорчившись в немыслимых позах, три похожих на скелеты человека в лохмотьях, сохранявших еще признаки бывшего солдатского обмундирования. Сарматов приподнял руку одного из них и прочел на тыльной стороне ладони татуировку: «Вася. Псков».

– Эй, Вася, проснись! – стал хлопать его по щекам Алан, но в ответ слышал лишь тягучий, со всхлипываниями храп и увидел, как судороги забегали по мертвенно-бледному отечному лицу спящего человека.

– Отстань от него. Что, не видишь, что ли, они «дури» нажрались! – остановил Алана Сарматов. – Их уже не спасешь, при наркоте Абдулло рабами стали. Этих пропавших своих сыновей Родина-мать уже не дождетя, а жаль – пацаны совсем!..

– Опиум-сырец! – показал Алан на кусок липкого вещества грязно-коричневого цвета, прикрытый кусочком промасленной газеты с арабским шрифтом.

На голове одного из спящих парней была круглая афганская шапочка, а на плече красовалась татуировка со скрещенными парашютами – фирменная эмблема ВДВ. Сарматов приподнял его заросшую, давно не мытую голову, тот пришел в себя и, дико вращая красными белками глаз, выкрикнул:

– Аллах акбар!.. За Родину!.. За Сталина! Ура-а!

Алан занес кулак, чтобы прекратить его выкрики, но парень тут же замертво повалился на грязную циновку и погрузился в глубокий сон.

– Оставь их! – повторил Сарматов. – Попробуем «душка» поспрошать...

Очень скоро пришедший в себя «дух» затравленно смотрел на невесть откуда взявшихся людей, склонившихся над ним.

– Где Абдулло? – спросил его на фарси Алан.

– Скоро будет здесь! – ответил тот, не сводя взгляда со смотрящего на него дула «стечкина». – Хозяин ищет гяуров... парашютистов шурави, за которых назначен большой бакшиш.

– Кто те люди? – Алан кивнул под навес.

– Гяуры!.. Рабы Абдулло... Они совсем больные от терьяка... совсем плохие рабы! Один из них офицер... Он принял веру пророка Мухаммеда, да будет благословенно имя его, но вместе с Абдулло пьет самогон и не соблюдает законы шариата...

– Где шурави? – перебил его Алан.

– Пять дней на коне рысью ехать, – ответил тот и мотнул головой на запад, подумав, добавил: – В горах говорят, танки шурави скоро придут в кишлак Таганлы – два дня на коне скакать...

У навеса Сарматов заметил большую бутылку с мутной жидкостью, понюхав, он поднес ее ко рту «духа».

– Пей, «душок», чтобы мозги отшибло! – приговаривал майор. – «Шило» не ахти, но извини!..

«Дух» попытался вскочить, но Алан придавил его к земле и насильно влил в горло самогон.

– Хватит! – остановил Алана Сарматов. – А то он к этому делу непривычный, еще, глядишь, дуба даст!

Между тем человек в пакуле вышел из-под навеса на полусогнутых ногах и, практически не просыпаясь, стал мочиться на одну из его опор.

Сарматов повалил и его на землю и вылил в горло остатки самогона. Тот жадно проглотил обжигающую жидкость и, выкрикнув что-то нечленораздельное, отключился.

– Думаешь, у них память отшибет? – с сомнением спросил Алан.

– Если есть шанс грех лишний на душу не брать, то лучше его не брать, потомок хазаров! – сказал Сарматов. – Все, глядишь, в мире ином зачтется... А что до инструкций, их на все случаи не придумаешь!

Алан молча кивнул.

Сарматов осмотрел в бинокль предгорья и озабоченно произнес:

– По «зеленке» придется плутать – Абдулло на предгорьях нас выследит, как пить дать!

Вновь качалось яркое полуденное солнце, переливались среди древесных стволов снопы его лучей, подчеркнутые туманными испарениями «зеленки». Хрипели и с шумом выдыхали горячий и влажный воздух усталые люди, бредущие по еле заметным в густой траве звериным тропинкам.

– Командир, как ты думаешь, мы далеко от реки ушли? – спросил Алан.

– Нет, она где-то близко, – ответил Сарматов, показывая рукой вправо. – Там!

– Откуда знаешь? – недоверчиво хмыкнул Бурлак.

– Все дороги ведут в Рим, а все звериные тропы – к водою, – ответил тот.

– Сармат, может, сделаем привал? – спросил американец.

– Топать! – рявкнул Сарматов. – Если остановимся, отключимся сразу!.. Тогда-то Абдулло нас точно тепленькими возьмет! – немного смягчившись, добавил он.

И вот вновь уползает за заснеженный хребет красное закатное солнце, и сразу же «зеленка» погружается в вечерний полумрак. Где-то совсем близко заходятся в замогильном вое шакалы и снова мелькают среди древесных стволов их свечи-глаза.

– Явились! – прокомментировал шакалий ночной концерт Бурлак. – Я, блин, без вас скучать уже стал.

– Слава богу, теперь уснуть на ходу не дадут! – поддакнул ему Алан и кинул в промелькнувшую мимо шакалью тень подобранный с земли камень. Раздался визг, и шакалья стая скрылась в сумраке зарослей. Но через некоторое время вблизи снова послышался шакалий вой. Внезапно он резко оборвался.

– К бою! – срывая с плеча автомат, тихо скомандовал Сарматов.

Заклеив рот американца пластырем, он уложил его под разлапистый куст и замкнул второй браслет его наручников на стволе возле земли.

– Не обессудь, полковник, обстоятельства вынуждают! – прошептал он ему на ухо. – Поспи пока, пользуясь моментом!

Присоединившись к Бурлаку и Алану, которые заняли позицию за стволом мшистого, лежащего на земле дерева, Сарматов стал напряженно всматриваться в ночную мглу.

– Караван с оружием из Пешавара к Хекматиару! – уверенно сказал он.

– Ты что, ясновидящий, командир? – шепотом спросил Бурлак.

– А ты в этом сомневаешься? – ответил тот и щелкнул затвором автомата.

Вскоре на фоне фиолетового сумеречного неба появились несколько всадников, а вслед за ними выплыла цепочка привязанных друг к другу верблюдов, нагруженных длинными ящиками и патронными цинками. Сарматов поднес к глазам бинокль. Теперь он ясно разглядел надписи на английском языке, украшающие бока ящиков.

– «Стингеры»! – прошептал Сарматов Бурлаку. – Эх, силенок мало, а то бы...

Вслед за цепочкой верблюдов на фоне неба появились повозки, напоминающие цыганские кибитки, за ними пешком и на осликах следовали вооруженные бородатые люди в чалмах и пакулях-шапочках. Время от времени они останавливались и напряженно всматривались в темноту, стараясь поймать каждый шорох.

– Тут не погрешь! – с сожалением прошептал Бурлак.

Из задней повозки выскочили две фигурки в паранджах и побежали в сторону, о чем весело щебеча и заливаясь смехом. Не добежав до засевших в кустах каких-нибудь трех-четырёх метров, девушки спустили шаровары и присели на корточки, не прекращая при этом болтать ни на минуту.

Когда, сделав свои дела, они убежали догонять повозки, Сарматов вытер с лица холодный пот. Однако расслабиться ему не удалось – из глубины «зеленки» внезапно донеслись топот конских копыт, гиканье и крики. Погонщики верблюдов и боевики, сопровождающие караван, услышав звуки погони, быстро заняли позицию для боя, а верблюдов положили на землю за кустами. Всадники выскочили из зарослей плотной гурьбой и с гиканьем понеслись к каравану. Когда над их головами пронеслось несколько трассирующих очередей, выпущенных со стороны каравана, они осадили коней и сбились в плотную крутящуюся массу, которая отрезала пристегнутого американца от Сарматова, Бурлака и Алана.

– На отходняк потянуло! – пробормотал Бурлак и положил перед собой несколько гранат. – Такого случая наш приятель не упустит!

Толкнув его в плечо, Сарматов приложил палец к губам.

– Эй, шакал Абдулло! – раздался крик со стороны каравана. – Если ты попытаешься завладеть этим добром, то будешь иметь дело с пакистанской разведкой, а мы слов на ветер не бросаем, понял, сын вонючего козла?! Это я тебе говорю, Али-хан! Ты узнал меня, Абдулло?

– Узнал, большой пакистанский начальник! – ответил знакомый уже Сарматову голос, несущийся из крутящейся, сбившейся массы всадников. – Мне не нужен ваш караван!

– А что тебе нужно? – раздался голос невидимого пакистанского офицера.

– Прими мое почтение, Али-хан!.. Абдулло идет по следу шурави, выкравших у вас американского полковника! – ответил Абдулло, выехав чуть вперед на своем прекрасном ахалтекинце.

В ответ ему раздался раскатистый хохот Али-хана.

– Янки сгорел там, где его выкрали. Месяц назад его кости положили в металлический ящик, накрыли их полосатым флагом и отправили в Америку. Али-хан сам сопровождал гроб до самолета. Бакшиш затмил твои глаза, Абдулло!

– Клянусь Аллахом, Али-хан, Абдулло идет по его следу! Можешь считать меня кем угодно, но американский полковник жив!

– Ты сумасшедший, Абдулло! Если ты сейчас не повернешь назад, я открою огонь! – раздалось из темноты, и трассирующие очереди вновь веером пронесли над головами всадников.

В ответ лишь испуганно заржали лошади, раздались гортанные крики наездников, в которые отчетливо вплетался русский трехэтажный мат. Всадники сорвались с места и унеслись обратно в темноту зарослей.

Когда караван скрылся из виду и перестал доноситься скрип колес кибиток, Бурлак шепнул непослушными губами:

– Отходняк пока отменяется, командир, а?

– Похоже на то! – ответил тот и направился в сторону куста, под которым оставил американца.

Полковник, увидев его, пытался привстать. Он выглядел довольно растерянным и, как показалось Сарматову, хотел что-то сказать, но тот опередил его и, отстегивая от корневища браслет, спросил:

– Ты понимаешь фарси?

– Конечно!

– Ты понял все, о чем они говорили?

– Понял!..

– И то, что твои кости отправили в Америку, ты тоже слышал?

– Ну, слышал!.. Представляю, сколько горя пережили мои жена и дети!

– Значит, твоя контора, как я предполагал, тебя списала?

– Это нормально! – пожал плечами американец. – Такая у нас сучья работа!

– Сучья!.. Ты оказался между нами и Абдулло... Ты бы мог...

– Я прекрасно понимаю, что бы я мог!

– Почему же ты не использовал такой шанс?

– Боюсь, что я не могу пока ответить на этот вопрос. Может, когда-нибудь позже...

– Я не понимаю тебя, полковник!

– Признаться, я и сам не понимаю, почему не захотел, чтобы Абдулло получил свой бакшиш! – усмехнулся американец.

– Может, у тебя крыша поехала? – озадаченно спросил Сарматов, заглядывая в его лицо, освещенное ярким лунным светом.

– Не думаю!.. Я, как видишь, освободился от пластыря и мог кричать, но что-то меня остановило... Честно говоря, мне не особенно хочется сейчас разбираться в этом.

– С тобой не соскучишься, полковник! – качнул головой Сарматов.

Восточный Афганистан, 26 июня 1988 года

Луч солнечного света подобрался к лицу спящего Сарматова. Он открыл глаза и, посмотрев сначала на часы, а потом на солнце, стал расталкивать Бурлака и Алана.

– Хватит спать, мужики! Сейчас перекусим, и нужно топтать по холодку, – и, поворачиваясь к американцу, прикованному к ветке дерева, добавил: – Ты не спишь, полковник?

– А как ты думаешь, можно спокойно уснуть после известия о том, что тебя похоронили?.. Я вот все думаю, с каким оркестром меня хоронили, как себя вели близкие и дети? Надеюсь, хоть положили меня рядом с отцом и дедом!..

– С этим ты еще успеешь разобраться, полковник! – усмехнулся Сарматов. – Главное, чтобы ты сам себя не похоронил. . .

– Не дождешься! – улыбнулся тот в ответ. – Но вообще в этом что-то есть: тебя похоронили, сказали все слова, землей засыпали, а ты живешь! Жаль, страховку придется возвращать и пенсию семье перестанут выплачивать после моего воскрешения.

– Действительно жаль! – согласился Сарматов, вглядываясь в лицо американца.

Отдохнувшие за ночь бойцы ходко шагают по утренней росистой «зеленке». Скоро деревья редуют, и в просвете между ними показывается река, опоясывающая крутые склоны предгорья.

– Ты был прав, командир. Все звериные тропы действительно ведут к водою! – воскликнул Алан и посмотрел на небо, на котором мелькали черные крестики кружащихся высоко над землей грифов. – Похоже, добычу чувят! – показал он на птиц. – Слушай, командир, как галдят!

– Нам как раз на ту сторону, – ответил Сарматов. – Заодно и посмотрим, что они там чувят.

Старательно прячась за кустами, группа вышла к реке, медленно катящей свои воды среди каменистых пологих берегов.

– Сармат! – воскликнул Бурлак и показал на противоположный берег. – Плот старого Вахида, командир!

И действительно, в камнях противоположного берега полоскался в струях реки знакомый ковчег, но самого Вахида рядом с ним не было.

Оглядев в бинокль «зеленку» и склон предгорья, Сарматов скомандовал:

– За мной, мужики!.. Не нравится мне все это! – добавил он, увлекая за собой в ледяную воду американца.

При их приближении с плота взлетело несколько рассерженных грифов.

– Сюда, командир! – позвал первым вышедший на берег Бурлак и показал куда-то в сторону, где за нагромождением камней кособочились голошее грифы.

Заглянув за камни, Сарматов опустил голову и снял с головы берет. . . На ветвях корявого, вцепившегося корнями в камни дерева висел Вахид. Подойдя к нему ближе, Сарматов заметил странный блеск, исходящий из одной окровавленной глазницы.

Смыв с лица кровь, он отшатнулся – из глазницы выпирал циферблат советских «командирских» часов.

Сарматов обессиленно опустился на камень и посмотрел на истоптанный копытами берег с многочисленными кучами конского навоза. Взгляд его сначала остановился на растоптанном миниатюрном приемнике, потом перешел на Алана и Бурлака.

– Где твои часы, капитан Бурлаков? – тихо спросил Сарматов. – Где твой приемник, старлей Хаутов?

Не глядя на него, Бурлак выдавил из себя:

– От денег он наотрез отказался, вот я и сунул часы в его торбу.

Сарматов перевел яростный взор на Алана.

– На Востоке принято дарить что-нибудь на память, – объяснил тот совершенно убитым голосом и опустил голову под тяжестью взгляда Сарматова.

– Думаешь, это дело рук Абдулло? – спросил американец.

– Вон след его ахалтекинца – правая передняя подкова скошена, – зажав ладонью забугрившиеся на шее вены, ответил Сарматов. – Абдулло вдоль реки нас ищет, и правильно ищет – куда мы от нее?! Увидев плот старика, шакал решил отобрать его деньги за баранов и тут наткнулся на дары этих «данайцев»...

– Да, лажанулись мы выше крыши! – робко подал голос Бурлак.

– Прости, командир! – выдавил из себя Алан.

– А что ты передо мной извиняешься? Ты у Вахида прощения проси! – взорвался Сарматов. – Расскажи ему, как его грудной внук-сирота и увечная невестка теперь жить будут!

Алан, потупив взор, отвернулся.

– Лучше бы ты дал нам в морду, Сармат, чем так на психику давить! – вырвалось у Бурлака.

– Молчать! – рявкнул Сармат так, что Бурлак втянул голову в плечи.

Трескучие голоса грифов, хрип тяжело дышащих людей и топот армейских башмаков сминали утренний покой, и все живое спешило оставить тропу при стремительном приближении людей, даже кобра, прошипев будто только для порядка, спряталась в выгоревшей траве. Сарматов дал передышку группе лишь тогда, когда оглядел в бинокль оставленную позади «зеленку» и речную пойму. Скоро крутая тропа влилась в проложенную по террасам хорошо наезженную верблюжью дорогу. Ступив на нее, Сарматов снова оглянулся и, вздув желваки, процедил:

– Чую я, что волчара след взял, через полчаса здесь будет наш старый знакомый Абдулло...

В бинокль уже можно было разглядеть группу всадников, человек двадцать, переправляющихся через реку.

– Стежка одна и узкая! – заметил Бурлак, протягивая Алану бинокль. – Быть или не быть, командир?..

– В смысле – бить?.. Какие вопросы! – возбудился Алан. – Здесь они нас не ждут... Я ставлю итальянок на растяжки, а по тем, кто останется, – в два ствола, пока ты американца за камнями постережешь!..

– Управимся! – поддержал его Бурлак.

– Ну, командир! – нетерпеливо воскликнул Алан. – Уводи штатника!

Американец с тревогой прислушивался к их разговору.

– За чмо меня держишь? – насмешливо бросил Сарматов Алану и подтолкнул американца в сторону от тропы, к каменным нагромождениям, нависающим над пропастью. – Передохни пока, полковник! – сказал он, приковывая его к крепкому стволу корявого дерева.

– Сармат, то, что ты задумал, безумие! – возмутился американец. – У Абдулло целый отряд, а вас всего-то...

– У гнева тоже есть права! – недобро усмехнулся Сарматов.

– Это, насколько я знаю, из «Короля Лира»? Но Лир, если помнишь, Сармат, плохо кончил!..

– Стать безумным в безумном мире, полковник, так ли это плохо? – пожал плечами Сарматов и заклеил американцу рот пластырем. – Будь добр, посиди тихо, пока мы с шакалом говорить будем, а если разговор не получится, выбирайся уж как-нибудь сам, – добавил он.

Из-за поворота крутой тропы сначала донесся нарастающий топот копыт, потом в него вплелись гортанные крики. Сарматов сделал знак рукой притаившимся за камнями Бурлаку и Алану и, заметая веткой пыль на тропе, торопливо скрылся в траве.

Громко перекликаясь, всадники вынеслись из-за поворота тесной гурьбой, по трое-четыре в ряд. Впереди в ярком развевающемся халате скакал на гнедом ахалтекинце Абдулло. Видимо, почуяв недоброе, конь стал прядать ушами, жаться подальше от края пропасти. Абдулло раздраженно охаживал его камчой, и конь, не выдержав, вынес всадника на середину

тропы. Два прогремевших одновременно мощных взрыва смели в пропасть половину всадников за спиной Абдулло, а остальные, не успев ничего толком понять, попав под перекрестный огонь, были сражены меткими автоматными очередями. Крики ужаса оглушенных людей, предсмертное ржание коней превратили тихую красоту предгорья в настоящий ад. Успевший проскочить место взрыва, невредимый Абдулло, нахлестывая ахалтекинца, летел прямо на вставшего на его пути Сарматова, у которого как раз в это время заклинило гашетку автомата. Ахалтекинец, едва касаясь легкими копытами тропы, мчался как ветер, прикрывая гривой всадника... Отбросив автомат, Сарматов кошкой запрыгнул коню на шею. Одной рукой он успел вцепиться в гриву, пальцами другой захватил жаркие ноздри животного и резким движением руки в сторону и вниз опрокинул через голову ахалтекинца. Старый казачий прием сработал безотказно.

Подойдя к лежащему в пыли Абдулло, Сарматов, пока тот не пришел в себя, сорвал с него оружие и вынул заткнутый за широкий пояс-ходак кривой нож «бабур».

– Хватит придуриваться, Абдулло Гапурович, приехали! – сказал он, видя, как у бандита дрогнули веки.

Абдулло продолжал лежать неподвижно, не открывая глаз.

К Сарматову подошли Алан с Бурлаком. Они с любопытством разглядывали распростертого на земле Абдулло.

– Чего там? – спросил их Сарматов, кивая на тропу.

– Кончен бал, погасли свечи, командир! – отозвался Бурлак. – Ни один не ушел!

– Тогда эту падаль за ноги и в пропасть, к Аллаху! – подмигнув им, скомандовал майор.

После этих слов Абдулло вскочил, но Бурлак тут же сбил его с ног.

– Не дергайся! – с омерзением в голосе приказал он. – Облажался – так не мычи!..

– Мамой прашу – моя не нада в пропасть! – запричитал Абдулло по-русски. – Не нада!

Моя в пропасть не нада!

– Маму свою, старика-деда, жену с тремя детьми ты, Абдулло, сжег заживо, когда, спасая шкуру, уходил за кордон! – яростно оборвал его Сарматов. – Верховный суд Таджикистана по совокупности всего приговорил бы тебя к высшей мере. Хочешь – помолись Аллаху перед исполнением...

Абдулло встал на колени и потянул пухлые пальцы, униженные кольцами и перстнями, к людям, от которых теперь зависела его висящая на волоске жизнь.

– Вы же совсем нищий! – завопил он. – Абдулло деньги много даст!.. Всю жизнь барашка кушать, коньяк пить будешь, началник!

– Уж не деньгами ли старого Вахида ты хочешь с нами поделиться? – встряхнул его за шиворот халата Алан.

– Глупый старый Вахид денег имел совсем мало!.. Абдулло золота много, доллар много-много! Моя все отдаст и переправит вас через границу!.. – срываясь на визг, закричал Абдулло и подполз к ногам Сарматова. – Моя доллар много, моя все может!..

– Не теряй времени! – оборвал его тот. – Жил шакалом – хоть умри человеком!

Абдулло на миг замер и вдруг, взвизгнув, впился гнилыми зубами в колено Сарматова. Другой ногой майор все же успел отбросить его к краю пропасти, но Абдулло, схватившись за корневище какого-то чахлого кустика, повис над бездной.

– Моя все-е отда-аст! – кричал он, карабкаясь вверх. – Все-е!

Не сговариваясь, бойцы повернулись к пропасти спинами и направились к коню. Прошли считанные секунды, и кустик под тяжестью жирного тела Абдулло вырвался из земли с корнями и вместе с ним полетел в пропасть.

От быстро удаляющегося вопля своего хозяина шархнул в сторону ахалтекинец, но Сарматов успел схватить его за повод. По коже животного пробежала крупная дрожь, и конь попытался укусить Сарматова, но, почувствовав крепкую руку, тут же смирился, лишь поко-

сился испуганным глазом на край пропасти, в которой навсегда скрылся его прежний повелитель.

– Алан, проверь, что этот гад нагребил! – показал Сарматов на две переметные седельные сумы.

Алан подошел к коню и, расстегнув подпруги, снял сумы вместе с седлом.

– Как пить дать, у него здесь наркота! – сообщил он, вытряхивая в пыль целлофановые упаковки с белым порошком.

Из второй сумки в пыль вывалились пачки денег.

– Баксы, Сармат! – воскликнул он. – Десять пачек по десять штук и мелочовка штуки на три...

– Кинь в рюкзак! – сказал тот. – Доберемся до дома, акт составим... А о полковнике-то забыли! – спохватился он. – Алан, приведи его, а?..

Алан ушел к каменным завалам, а Сарматов, прижавшись щекой к точеной шее коня, обратился к Бурлаку:

– Патроны, жратву собрали?..

– Собрали, командир. Там ее на взвод хватит! – ответил тот и кивнул в сторону пропасти. – Мента, понятно, жадность сгубила, но там, на тропе, остались два отморозка...

– В Кулябе у него в банде был даже эстонец! – хладнокровно заметил Сарматов. – В смутное время вся муть со дна всплывает, как говорят у нас на Дону...

– Колено бы тебе, командир, йодом обработать! – сказал Бурлак, глядя на Сарматова.

– Заживет как на собаке! – отмахнулся тот и посмотрел в небо, по которому черными крестами парили грифы. – Абдулло никому не нужен, но баксы его и гашиш искать будут – уходить надо! – озабоченно добавил он, переводя взгляд на подошедших совсем близко Алана и американца.

– Ваши «борцы за свободу» откуда гонят «дурь» по всему свету? – раздавливая один из пакетов с героином, зло спросил Сарматов, обращаясь к полковнику.

– Все делают деньги за чей-то счет. И на любой крови кто-то обогащается! – пожал плечами американец. – Вот ты убил этого Абдулло, а что изменится? Вместо него наркотой будет торговать кто-нибудь другой. И всех ты их не уничтожишь. Одного покарал – десяток новых придет! Да и кара твоя какая-то скифская!

– А я и есть скиф! Что с меня возьмешь! – взорвался Сарматов. – А кара?.. Кара – дело Господнее, и смертным в эти дела лучше не соваться... Мечь – дело людское, но возмездие – функция государства, а мы люди казенные. Вот коня мне жалко! – сказал он и, отпустив повод, хлопнул красавца ахалтекинца по крупу. – Уходи, гнедко! Уходи, милый!.. Ну, давай, давай!!!

Конь отбежал на некоторое расстояние и замер, косясь на уходящих людей фиолетовым глазом, не понимая, почему его бросили одного и где ему теперь искать своего хозяина. Затем подошел к самому краю пропасти и, глядя в глубину бездны, тоскливо заржал.

Все жарче припекало солнце, которое, казалось, решило выжечь дотла эту и без того негостеприимную землю. Качаясь, плыла под растоптанные башмаки бойцов потрескавшаяся от зноя, грозящая опасностью на каждом шагу афганская земля. Словно пророча беду и чуя скорую добычу, кружили над обессилевшими путниками зловещие черные грифы. Идущий впереди Бурлак вполголоса напевал знакомую песню:

За хребтом Гиндукуш обняла нас война, Как шальная вдова, целовала в висок, А на знойных отрогах, как наша вина, Пробивалась трава сквозь горячий песок. Пробивалась трава, и чиста, и горька, Уносила в Россию тревожные сны. Пробивалась трава, и чиста, и горька, Чтоб пожарищем лечь под колесса войны. Офицерский погон и солдатская честь Привели нас в жестокий бой. О судьбе нашей скорбная весть К вам дойдет с той полынь-травой!..

– У русских такие... тревожные, тоскливые песни! – внимательно вслушиваясь в слова, заметил шагающий рядом с Сарматовым американец.

– Душа у нас такая тревожная! – отозвался тот. – Мы позже сытенькой Европы на арену мировой истории вышли – скурвиться, видно, еще не успели. Скифы мы! Азиаты, с раскосыми и жадными очами, как сказал один наш поэт.

– Надо же, как задели тебя мои слова!

– Командир! – раздался за их спинами голос Алана.

Сарматов резко повернулся и увидел Алана, который стоял и в изумлении смотрел на тронутое сполохами заката небо.

– Что ты туда уставился? – спросил майор.

– Гляди вперед, командир, – показал Алан на горизонт. – Я вижу, как высоко над предгорьем плывет современный многоэтажный город: по его улицам мчатся автомобили, у фонтана оживленно беседуют школьники с ранцами за спиной, к подъезду богатого дома подъезжает свадебный кортеж, а на углу стеклянного здания мальчуган чистит обувь солидному господину... Что это?

– Мираж! – пожал плечами американец.

– Похоже, это рай, в который угодил Абдулло! – засмеялся Бурлак.

– Эх! День бы так пожить! – с сожалением проронил Алан, по-прежнему зачарованно лупящий в небо глаза. – Ой, – вдруг испуганно воскликнул он. – Я теперь вижу горящие дома, колонну танков и грузовиков.

– Блин, как всегда, все кончается войной! – сплюнул от досады Бурлак.

– Алан, а тебе этот рай ничего не напомнил? – спросил Сармат.

– На Бейрут смахивало, – неуверенно предположил тот.

– А как тебя там звали, полковник? – спросил Сарматов, испытываясь глядя на американца.

– А тебя? – не отводя взгляда, вопросом на вопрос ответил тот.

Ливан. Бейрут, 6 октября 1986 года

Рассветное небо обрушилось на спящий город ревом пикирующих «Фантомов», разрывами ракет и бомб. Разваливались, будто карточные домики, многоэтажки, погребая под собой сотни людей.

Те, кто успел спастись, обезумели от страха и бессмысленно метались среди пылающих и взрывающихся автомобилей, падающих горящих обломков и завалов из битого кирпича и бетона. А «Фантомы», словно хищные черные птицы, снова и снова неслись с неба на город на бреющем полете, и все превращалось в сплошной взрывающийся ад, скрывающий за завесами огня, дыма и пепла силящихся найти спасение людей.

У входа в бетонный бункер, оглохший от взрывов, стоял генерал Толмачев и орал в ухо такому же оглохшему Сарматову:

– Майор, еще два-три захода – и от палестинской базы головешки останутся!..

– Какого хрена они ее в жилые кварталы вперли?! – орал в ответ тот.

– «Слухачи» уверены, что какая-то сука вызывает огонь на себя! Наводит их!.. Бери своих архаровцев и прочеши квартал!..

– У меня семь бойцов осталось!

– Возьми к ним взвод «черных» – и ноги в руки! Давай-давай, Сармат, по-нашему, по-расейскому, чтоб ни одна тварь не ушла!

Мелькали горящие дома, автомобили, искаженные ужасом лица людей. Чердаки и подъезды, усыпанные битым стеклом, горящие квартиры и офисы. Летели навстречу бегущим людям длинные, затянутые дымом коридоры, бесконечные лестничные марши и площадки с обгорелыми трупами и с кричащими ранеными. А сквозь выбитые окна доносился вой атакующих «Фантомов», и многоэтажный дом содрогался от взрывов.

– Вперед, славяне, вперед! – крикнул Сарматов, увлекая за собой бойцов.

Те, ворвавшись на очередной этаж, рассыпались по коридорам и, ничего не обнаружив, помчались по лестнице выше. На предпоследнем этаже внезапно из задымленного коридора захлестали пулеметные очереди, уложив на мраморный пол троих палестинцев и задев по касательной бок Вани Бурлака. Сашка Силин в падении разрядил прямо во вспышки пулеметных стволов гранатомет «РПГ». И все сразу кинулись туда, пока пулеметчики не успели прийти в себя от взрыва.

Коридор закончился лифтовой площадкой, на которой корчились в предсмертных муках двое, еще один, оставляя кровавый след, полз по лестнице вверх. Увидев подбегающих, он скинул автомат, но очередь одного из палестинцев опередила его...

Вбежав на следующий этаж, Сарматов повесил на ствол автомата каску и высунул «муляж» из-за угла коридора. В тот же миг раздались очереди, и каска с грохотом покатила по мраморному полу.

– Хаутов! – крикнул Сарматов Алану. – Отрежь их от чердака, а я погуляю...

– Есть! – ответил тот и скрылся с десятком палестинцев в чердачном проеме.

Под ногами Сарматова, крадущегося по узкому наружному карнизу, разверзлась панорама горящего, кричащего от боли и ужаса города. Совсем близко пронеслась тройка «Фантомов», и внизу снова прогрехотали взрывы. Тугая взрывная волна едва не сорвала майора с карниза, но он успел прижаться спиной к раскачивающейся, грозящей рухнуть стене.

Карниз выходил на площадку, больше похожую на сад, заставленный огромными кадками с растущими в них деревьями. Перемахнув через парапет, Сарматов пополз между ними...

Обнаружив двух вооруженных людей, он затаился и стал наблюдать за ними.

Вероятно, увидев что-то интересное, один из них громко позвал товарища и, не дожидаясь, когда он подойдет, свесил голову с парапета. Не успел тот сделать и нескольких шагов, как в его горло воткнулся нож, брошенный Сарматовым... Подойдя к смотрящему с парапета, майор положил руку на его плечо, и, когда тот повернулся, он увидел перед собой незнакомого человека в палестинской форме. Выхватив из его рукава гранату, он дернул за чеку. Так, с гранатой в руке, незнакомец перелетел через парапет и скрылся в горящем пекле улицы...

У конца чердачного марша Сарматов наткнулся на Бурлака и Силина.

– Хаутов всех вытурил с чердака на крышу, – сообщил Бурлак, зажимая рукой окровавленный бок. – Нас к тебе послал на всякий случай...

– На крышу еще выходы есть? – спросил Сарматов.

– Есть, но все они заблокированы «черными» и нашими мужиками! – ответил Силин.

– Ну, тогда пойдем доигрывать «Вальс Мендельсона»! – усмехнулся Сарматов и решительно шагнул в проем чердака.

Оглядевшись среди горящих чердачных перекрытий, он подошел к вентиляционной шахте и, осмотрев ее, обратился к Силину:

– Громычала, дай пару громычалок!..

Тот протянул две «лимонки».

– Укройте, мужики! – приказал Сарматов и, подождав, пока они скроются за дверным проемом, бросил к стене шахты гранату.

Ее взрывом из стены вырвало кусок, в образовавшемся проеме стала видна ведущая вверх металлическая лестница.

– Как громыхнет на крыше, так сразу выскакивайте! – приказал Сарматов бойцам и первым полез по лестнице вверх.

На крыше, укрывшись за бетонным кубом лифтовой шахты, топтались трое с «узи». Они держали под прицелом чердачные выходы. Но Сарматов появился на выходе из вентиляционного люка за их спинами.

Взрывом «лимонки» двоих отбросило друг от друга. Сразу же после отгремевшего взрыва в чердачном проеме появились Силин и Бурлак, а с другой стороны вывалилась орава кричащих палестинцев.

Третий из парней с «узи», оставшийся невредимым, оценив обстановку, с тоскливым и протяжным криком бросился через парапет вниз...

Заглянув за одну из лифтовых шахт, Бурлак жестом подозвал Сарматова. У бетонного куба склонилась над рацией одинокая фигурка, одетая в желтую майку с изображением Микки Мауса на спине, белые джинсы и кроссовки.

– «Пианист»! – прошептал Бурлак, хватаясь за нож.

Сарматов приложил к губам палец и незаметно подкрался к «пианисту». Что-то прокричав в микрофон передатчика, тот поднялся и вздрогнул, ощутив на шее лезвие ножа. Сарматов развернул его и вдруг отшатнулся. Перед ним стояла хрупкая, тоненькая девушка, почти подросток. Опустив безвольные руки, она смотрела мимо Сарматова на горящий город, и в ее миндалевидных глазах отражалось пламя пожаров на фоне зловещего закатного неба.

– Господи, дочь Давидова, тебя же расстреляют! – воскликнул Сарматов по-английски, пытаясь заслонить девушку от набежавших, рвущихся к ней солдат-палестинцев.

Девушка передернула плечами, откинула со лба прядь коротко стриженных волос и, не удостоив Сарматова взглядом, ответила также по-английски:

– Сладко умереть за Родину...

– Что? – вырвалось у Сарматова по-русски.

При звуках русской речи голубая жилка на тонкой, открытой шее девушки начала пульсировать сильнее, а с ее губ слетела ответная фраза, произнесенная на чистейшем русском языке:

– Сладко умереть за Родину...

– Ни фига себе! Ты русская, что ли? – вытаращил на девушку глаза Силин.

Она не ответила, лишь печальная улыбка искривила уголки ее по-детски припухлых губ.

Алан склонился к Сарматову и прошептал ему на ухо:

– Палестинцы требуют отдать девку им...

Сарматов круто развернулся и, положив руки на автомат, в упор посмотрел на галдящих, точно стая ворон, палестинцев. Рядом с ним встали плечом к плечу Бурлак, Алан, Силин, Шальнов, Прохоров, Харченко. Под их взглядами палестинцы ступешались.

В окружении «архаровцев» Сарматова девушка отрешенно спустилась по лестничным маршам вниз мимо горящих коридоров, офисов и квартир. На одной из лестничных площадок среди обугленных трупов сидели и лежали раненые: старики, женщины, дети.

Сарматов повернулся к идущим позади палестинцам:

– Помогите раненым, а пленную доставим мы!

Один из палестинцев, по-видимому старший, вскинул ладонь к каске:

– Слушаюсь, господин майор!

Едва они вышли из подъезда дома, как меж горящих домов в небе появились черные силуэты «Фантомов».

– Славяне, мордой в землю! – крикнул Сарматов и завалил «пианистку» на асфальт.

Когда пронеслась взрывная волна и перестали падать куски железа, асфальта и бетона, он помог девушке подняться и показал на виднеющийся между двумя многоэтажными зданиями кусок горячей улицы, по которой только что прокатился огненный смерч.

– Уходи! – коротко обронил Сарматов.

Она непонимающе посмотрела на него.

– Блин! – рявкнул Бурлак. – Уходи, сопля зеленая!.. Затыришься среди «черных»...

Девушка смотрела на горящую, захлебывающуюся болью улицу, а потом по-русски спросила, глядя Сарматову в глаза:

– Туда?..

– Туда – к ним! – показав на улицу, жестко произнес он и уже более дружелюбно добавил: – И пусть хранит тебя твой еврейский бог!..

Печальная улыбка снова тронула уголки ее губ, и, удостоив Сарматова долгим взглядом своих бархатных карих глаз, девушка медленно пошла к просвету между домами.

Сарматов и «архаровцы» молча смотрели ей вслед.

В какой-то момент ее тоненькую фигурку обрисовал острый луч закатного солнца, и она будто растворилась в его золотом сиянии.

Тем временем в створе горящих домов снова появились «Фантомы»...

– Ложись! – заорал Сарматов, услышав уже до тошноты знакомый, леденящий кровь свист приближающихся ракет.

Вслед за «Фантомами» между зданиями прокатился огненный вал. Вздрыгнула и содрогнулась земля, некоторое время продолжая дрожать крупной дрожью, и долго еще сыпались с неба камни и горящие головешки.

– Уберег все же девчонку ее еврейский бог! – приподняв голову после прошедшего огненного смерча, сказал Сарматов и посмотрел в чрево огнедышащих кварталов, где только что скрылась женская фигурка в желтой майке с мордочкой Микки-Мауса на спине.

Восточный Афганистан, 27 июня 1988 года

Река круто поворачивала на юг, в сторону синеющего на горизонте хребта, и уходила на запад, упираясь в сумеречное закатное небо.

Сарматов тщательно сверил показания компаса с картой.

– Мужики, мы на финишной прямой – до наших блокпостов километров семьдесят по сплошной «зеленке». Отдыхаем или врубаемся в нее? – спросил он.

– Отдохнем, когда сдохнем! – ответил Бурлак.

Алан согласно кивнул головой.

– А ты, полковник, что скажешь? – дернул он за руку американца. – Передохнуть не желаешь?

Тот поднял закованную в наручник руку:

– Какие могут быть желания у пленного?

– Да ладно тебе! – Сарматов бросил на американца косой взгляд: – Дорогой сэр, если ты мне дашь слово офицера, что не будешь выкидывать фортели, то я сниму...

– Нет! – перебил его американец. – Такого слова я тебе не дам, майор! И если ты не дурак, то сам поймешь почему!

– Спасибо, полковник! – кивнул Сарматов и, подумав, добавил: – Ну что, врубаемся в «зеленку», мужики!

Серп месяца освещает заросли мертвенным голубоватым сиянием. Откуда-то из чащобы доносятся непривычные, резкие звуки: то трубный клич самца-оленья, то уханье филина, то шакалий лай. Все это заставляет измученных людей вздрагивать и хвататься за оружие.

– Ну и жарница! – проворчал идущий следом за американцем и Сарматовым Бурлак. – На экваторе такой не было!

– Дождь, ливень будет! – сказал американец. – Мои ребра, перебитые во... во Вьетнаме, говорят мне об этом.

– Сармат, а он что, хорошо русский понимает? – спросил Бурлак.

– Полковник, капитану кажется, что ты хорошо понимаешь по-русски, – поинтересовался Сарматов.

– Я немного учил русский в Принстоне, – с заметным акцентом по-русски ответил тот. – Надо знать язык и культуру противника.

– Дождь точно будет! – внимательно посмотрев на него, произнес Сарматов. – Мои ребра, в Анголе перебитые, тоже ноют... А что, полковник, жарко было во Вьетнаме? Хорошо вам там вломили?!

– Мы действительно проиграли эту войну! – согласился американец. – Но вы здесь повторили наши ошибки...

– Какие, например?..

– Ну, например, не приняли в расчет стереотип национального поведения и психологию афганцев.

– Не так все просто! – пожал плечами Сарматов. – Мы здесь, в Афгане, для того, чтобы исламские фундаменталисты от Ирана до Пакистана и индийских штатов Джамму и Кашмир не соединились в одно целое. Мы разрезали их... Соединившись, они замахнутся на нашу Среднюю Азию, нам тут не до их психологии, хотя учитывать ее, конечно, надо.

– Но вы же терпите поражение, Сармат.

– А нам никто и не ставил задачи кого-то здесь, в Афгане, победить.

– У некоторых наших генералов сходная точка зрения на эту войну. Но они молчат, потому что ваши танки в суточном переходе от персидской нефти.

Сарматов усмехнулся:

– Воссоединившимся исламистам будет проще простого создать ядерное оружие, и что тогда будет с вашей персидской нефтью, полковник?!

– Пусть об этом болит голова у политиков! Ты же сам сказал, что мы с тобой лишь «пыль на сквозняках истории»!

– Да уж! – откликнулся Сарматов. – Портрет этой дамы, как известно, пишется кровью... В чем, в чем, а в крови мы с тобой по самые яйца!..

– Человек зачинается в желании, рождается в крови и живет в скверне! – вздохнул американец. – Чтобы делать нашу грязную работу, надо примириться с этим, майор!.. – Меняя резко тему разговора, он вдруг спросил: – После самума ты говорил странные вещи, майор. Что ты хотел сказать тогда?

– Я уже не помню, о чем я тогда говорил, – отмахнулся Сарматов.

– Не прикидывайся, майор, дело в том, что я тоже кое-что помню. Если бы ты не заговорил на эту тему, то я подумал бы, что все это мне приснилось, но двоим ведь не может сниться один и тот же сон?!

– Что же ты раньше-то молчал? – подозрительно покосился на американца Сарматов.

– Да как-то времени для разговора подходящего не было, – пожал тот плечами. – Так что тебе напророчил тот старец?

– Чушь все это. Говорил про грядущие вселенские катаклизмы, будущее предсказывал.

– Ты думаешь, что он сумасшедший?

– Не думаю – одно из его предсказаний уже сбылось.

– Абдулло?

– Угу!

– В этой чертовщине что-то есть, Сармат! – задумчиво произнес американец. – Когда учился в Оксфорде, мне гадала цыганка... Я сразу же забыл ее предсказания и вспомнил о них, когда они начали сбываться, а они, черт возьми, всегда сбываются с досадным постоянством!

– И это? – спросил Сарматов, через цепь наручника дергая пленника за руку.

– Да! – кивнул тот. – Она сказала мне, что в далекой стране, где живет народ гор, замкнется круг печали рода моего...

– Про казенный дом не говорила? – усмехнулся Сарматов.

– Нет. Только про дальнюю дорогу... – вторил ему американец.

Между тем на сияющий серебром серп месяца наплыли лохматые облака, и скоро «зеленка» погрузилась в темноту.

Когда внезапно над их головами бомбовым разрывом гроыхнуло небо, все схватились за оружие.

– Душа в пятки ушла! Думал, что это «духи» в нас фугасом звезданули! – выдохнул Бурлак.

Ливень обрушился с неба вместе с бешеными порывами ветра. Застонала, зашумела «зеленка», затрещала поломанными ветвями и вырванными с корнями деревьями...

Зигзаг молнии на несколько мгновений выхватил из сгустившегося чернильного мрака дуб с огромной раскидистой кроной.

– Туда! – прокричал Сарматов, показывая на гигантское дерево.

Но стоило им сделать несколько шагов, как земля ушла из-под их ног и прямо над головами с оглушительным треском расколосось черное небо, а над кроной дуба, словно удар огненного бича, сверкнула ослепительно яркая вспышка. В один миг, несмотря на ливень, пламя охватило могучее дерево от кроны до ствола.

Сарматов поднял с земли американца и возбужденно прокричал:

– Бог милостив!.. Он почему-то не захотел превратить нас в пепел!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.